

Глубокой ночью в саду Восточного дворца царила тишина, все вокруг погрузилось в глубокий сон.

Ао Цзинъи осознал, что находится во сне.

Потому что он внезапно вернулся в усадьбу клана Ао.

Оглядев знакомую обстановку, он ощутил приступ глухого раздражения. Это был главный холл особняка, а прямо над головой, под потолком, холодно и вычурно сияла гигантская хрустальная люстра, испуская ослепительный свет.

Со второго этажа доносились приглушенные истеричные крики:

— Почему ты не хочешь этим заниматься? Ты хоть понимаешь, сколько я потеряла, когда из-за беременности пришлось отложить тот проект? Это ведь ты настоял на втором ребенке!

— Значит, занята только ты, а я так, прохлаждаюсь?

— Лучше бы ты тратил время, которое проводишь со своими любовницами, на дочь, тогда она не была бы такой, как сейчас!

— Я с любовницами? А ты сама не лучше! Ты ведь тоже...

Следом раздался звон разбитого фарфора.

Его шестилетняя сестра Сяомэй, прижимая к себе любимого плюшевого мишку, тесно жалась к его ногам. Она мелко дрожала, и крупные слезы капали на голову игрушки, оставляя темные пятнышки.

— Брат, почему мы не можем быть счастливы, как другие семьи? — прошептала она.

Ао Цзинъи посмотрел туда, куда указывала сестра. Там внезапно возник фотосалон.

Отец семейства — мужчина в очках в черной оправе, с аккуратной прической, выглядевший как типичный интеллигент — сидел перед объективом и с глупой, счастливой улыбкой раскинул руки, обнимая жену и дочь.

Красивая женщина, улыбаясь, склонилась и поцеловала девочку в пушистую макушку.

Родители заключили ребенка в объятия, а малышка, радостно качая головой, громко распевала песни. Ее хвостики-баранчики подпрыгивали и щекотали подбородок отца, заставляя его хохотать.

— Раз, два, три, сыр!

Время замерло. Счастье было таким искренним и простым.

— Брат, я так им завидую, — в больших, похожих на черный виноград глазах Сяомэй отразилась печаль.

Ао Цзинъи отвел взгляд и заметил, что у сестры на правой руке не хватает двух пальцев.

Наверху продолжалась яростная перепалка.

Некоторые люди вовсе не заслуживают звания родителей. Они не хотят тратить ни капли сил на воспитание, но при этом заводят детей ради минутной прихоти.

Он зажмурился, тяжело вздохнул, натянул на лицо слабую улыбку и тихо прошептал:

— У Сяомэй есть брат. Пойдем, я отнесу тебя в сад.

Но стоило ему поднять сестру на руки, как ноги сами понесли его к террасе на третьем этаже.

Ссоры наверху стихли. Он стоял на террасе, вцепившись в белые резные колонны, и, прижавшись лицом к пустому пространству между ними, смотрел, как две машины одна за другой выезжают из двора и без малейших колебаний устремляются к воротам.

Он смотрел, как они уезжают, снова и снова.

— Брат, оказывается, мы одинаковые.

Ао Цзинъи вздрогнул от неожиданности и обнаружил, что Сяомэй исчезла, а он сам снова стал шестилетним ребенком.

Он разжал пальцы, впившиеся в колонну, и с тупым безразличием рассматривал отпечатки на ладонях. В этот момент перед его глазами вдруг возникло перевернутое лицо.

Золотистые глаза сияли, изогнувшись, как два полумесяца:

— Почему ты такой грустный?

Ао Цзинъи отпрянул и увидел, что перед ним висит ребенок ростом в три головы, с изящными чертами лица и лукавой улыбкой. Кожа у него была белой, как снег, а губы — бледными, словно у прекрасной куколочки.

Снежная куколочка висела вниз головой, зацепившись ногами за перила. Увидев, что розыгрыш удался, ребенок радостно рассмеялся.

Затем, крикнув Хэй-сю!, он с ловкостью, совершенно не вяжущейся с его короткими конечностями, сделал в воздухе красивое сальто и легко приземлился на перекладину перил.

Он раскинул руки, словно фокусник перед представлением, важно кивнул во все стороны и, хихикая, захлопал в ладоши:

— Я молодец!

Затем куколочка удивленно повернулась к нему:

— Почему ты мне не аплодируешь?

Маленький Ао Цзинъи презрительно хмыкнул и промолчал. Но его подавленное настроение, словно птица, внезапно расправило крылья и вспарило ввысь.

Снежная куколочка уселась на перила, беззаботно болтая короткими ножками. Выражение лица у ребенка было таким же самодовольным, как и торчащий хохолок на голове.

— Я и без слов знаю. Ты грустишь, потому что вечно смотришь, как папа и мама уходят, и потому что тебя всегда оставляют одного.

В душе Ао Цзинъи вспыхнуло раздражение от того, что его так легко раскусили. Он резко отвернулся.

Куколка вздохнула, спрыгнула с перил, подошла к нему и коснулась пальчиком следов на его щеке, оставленных колонной.

От мягкого прикосновения боль прошла, но Ао Цзинъи все еще сердился. Он хлопнул по руке ребенка и по-детски грубо бросил:

— Не трогай меня! Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Ребенок начал заглядывать ему в лицо то с одной, то с другой стороны, но Ао Цзинъи упорно отворачивался.

Наконец, словно по волшебству, куколка вытащила из-за спины розовый платок, ловко сложила из него розу и, как бумажный самолетик, запустила прямо ему на голову.

Ао Цзинъи сорвал цветок и с досадой бросил на пол. Но ребенок тут же сложил новый и снова запустил в него.

Они так и играли: один бросал, другой складывал... Розовые розы летали повсюду. Вскоре терраса была завалена цветами — оба оказались погребены под ними.

Ао Цзинъи, у которого из горы роз торчала только голова, яростно закричал:

— Ты чего добиваешься?!

Куколка, хихикая, выбралась из цветочного плена и, настаивая на своем, водрузила последнюю розу на голову Ао Цзинъи.

— Разве не видно? Я тебя утешаю.

Сказав это, ребенок ущипнул его за пухлую щеку и скорчил рожицу.

Ао Цзинъи закусил губу и смущенно отвел взгляд. Ощущение, в котором смешались досада и желание рассмеяться, окончательно вытеснило одиночество и печаль.

Он снова посмотрел на ребенка и увидел в его теплых золотых глазах два крошечных отражения самого себя. Эти отражения упрямо вскинули головы и громко заявили:

— Тогда я не хочу розовый!

— Фух! — Ао Цзинъи резко сел в кровати, проснувшись.

Посидев в оцепенении, он откинул одеяло, встал и подошел к столу.

Чистый лунный свет пробивался сквозь щель в занавесках, покрывая шелковую розовую розу мягким серебристым сиянием. Ао Цзинъи в досаде на самого себя взъерошил волосы.

Он не понимал, почему его потянуло принести эту вещь с собой, и почему во сне он позволил себе вести себя так капризно с Юй Цюжань.

Он постоял у стола, опустив глаза. В конце концов, он взял розу, осторожно расправил примятые лепестки и бережно убрал цветок в ящик.

*

Раннее утро, Персиковая роща в саду Восточного дворца.

Высокие персиковые деревья раскинули ветви. Цветы на них теснились, перешептываясь и смеясь, встречая новый прекрасный день в нежно-золотых лучах солнца.

Подул ветерок, лепестки закружились в танце, преследуя юношу, идущего по тропинке. Глаза юноши были прекрасны, как утренний свет, а ветер и цветы играли с краями его белых одежд — все выглядело невероятно романтично.

Он огляделся по сторонам, словно наслаждаясь танцем весны, цветов и ветра.

Однако в следующую секунду:

Юй Цюжань: — Вот это подойдет!

Она подпрыгнула, ухватила за нижнюю ветку персикового дерева, с силой раскачалась, совершила в воздухе сальто на 180 градусов и ловко, подобно маленькой золотистой обезьянке, замелькала среди густой листвы, остановившись на толстой ветке в средней части дерева.

Система: — ...

Этот носитель в одиночку превратил поэтический сказочный театр в оживший мир животных.

Юй Цюжань с комфортом устроилась на ветке:

— Отличное место, отныне это будет моя база.

Система: — Позвольте узнать, чем вы занимаетесь?

Юй Цюжань поправила несуществующие очки, и по их воображаемым стеклам проскользнул холодный блик. Она усмехнулась и начала рассуждать:

— Согласно сюжету, героиня Су Тяньтянь скоро придет искать Ао Цзинь. Сад Восточного дворца по ночам закрыт. Из-за нетерпения вернуть пропажу она наверняка выберет сегодняшнее утро, чтобы пробраться сюда до начала занятий. Чтобы не столкнуться с ней, я составила детальный стратегический план. На передовой — не зная, когда она придет, я не могу выйти сейчас, чтобы не встретиться у входа. В центре — в оригинале Су Тяньтянь после кустарникового лабиринта попадает в общественную зону, мне нужно ее избегать. В тылу — Ао Цзинь сейчас не в центре, Су Тяньтянь, скорее всего, направится к вилле клана Ао. Но, согласно закону вечно плутающей героини, она наверняка свернет не туда и в итоге наткнется на меня. Поэтому идеальная стратегия — сидеть в Персиковой роще! Это самое безопасное место!

Юй Цюжань подложила руки под голову. Ей приснилось, что она стала фокусником и встретила симпатичного, но вечно хмурого ребенка. Она пыталась его рассмешить, а он ни в какую! Из-за него она даже не выпалась, хм!

— Как раз здесь посплю. Как только Су Тяньтянь уйдет, я вернусь.

Система была в недоумении: почему героиня ведет себя так, будто она вражеский разведчик в деревне? Впервые она видела, чтобы в школьной романтической драме кто-то действовал по

сценарию партизанской войны.

Юй Цюжань сквозь щели между лепестками любовалась плывущими облаками и собиралась насвистеть колыбельную, чтобы убаюкать себя.

Как вдруг услышала голос системы:

— Внимание, носитель: героиня Су Тяньтянь прибыла на вашу позицию.

— Извините... можно спросить? — донесся снизу мягкий, робкий голос.

Юй Цюжань машинально взглянула вниз и встретила взглядом с Су Тяньтянь.

— Что за черт!

Юй Цюжань застыла. Ее губы уже были сложены трубочкой, готовые издать громкий свист. Ее образ нежного и меланхоличного принца был под угрозой!

В этот критический момент она проявила чудеса изобретательности: взмахнула рукой, подняла ветерок и прижала указательный палец к губам, призывая к тишине.

Спасая ситуацию, она мысленно взмолилась системе:

— Система! Ветер! Нужен ветер, быстрее!

*

Су Тяньтянь встала ни свет ни заря и отправилась в сад Восточного дворца. Зная, что вход сюда ограничен, она очень нервничала. Поразмыслив, она решила пройти через Персиковую рощу, ближайшую к женскому общежитию. К тому же это был сад принца Юй. Она верила, что если это принц, то даже если ее обнаружат, вряд ли накажут слишком строго.

Су Тяньтянь нервно пробиралась сквозь рощу, но повсюду были высокие цветущие деревья, и она забрела слишком глубоко, потеряв ориентиры.

Вдруг она увидела на дереве юношу, который сидел в очень расслабленной позе. Она набралась храбрости и подошла спросить дорогу.

Юноша повернул голову, и в его глазах, освещенных утренним солнцем, промелькнуло удивление.

Это был принц Юй.

Однако юноша на дереве не стал ее ругать или прогонять. Он лишь тихо усмехнулся, приложил изящный тонкий палец к бледным губам и очень элегантно сделал знак молчать.

Затем он раскинул руки и откинулся назад, в густую тень цветущих ветвей.

Су Тяньтянь, испугавшись, что он упадет, невольно сделала шаг вперед. Но тут налетел сильный порыв ветра, закружил лепестки и застлал ей глаза.

Когда ветер стих и танец опадающих цветов снова стал плавным и медленным, юноша,

улыбавшийся в тени цветов, исчез.

Су Тяньтянь растерянно смотрела на пустую ветку.

Вдали раздался мелодичный звон колокольни: Донг — донг — донг...

Стая белых голубей внезапно взмыла в небо, роняя белоснежные перья, которые оседали на залитые солнцем остроконечные красные крыши.

Словно ангел спустился с небес,

Тихонько постучав в ее сердце.

Глубоко внутри слышался звук распускающегося цветка.

<http://bllate.org/book/19878/1956869>